

**ЧЕРНЫЙ
БИЗНЕС
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПРЕСТУПНОСТЬ
В СССР**

Москва
издательство
РОДИНА
2025

УДК 346(091)(47+57)
ББК 67.408
А45

Алдонин, Сергей.
А45 Черный бизнес. Экономическая преступность в СССР / Сергей Алдонин. — Москва : Родина, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-00269-005-3

В СССР все принадлежало государству, которое выплачивало трудящимся строго оговоренную зарплату. Но всегда найдутся люди, которым не хватает материальных благ, готовые стать тузами черного бизнеса. Экономическая преступность Страны Советов была самой извратливой в мире, потому что ей приходилось действовать под бдительным оком властей, когда почти все частное строго запрещено, а за финансовые махинации в особо крупных размерах полагается высшая мера наказания. Но подпольных цеховиков, валютчиков, фальшивомонетчиков, фарцовщиков и мастеров махинаций на госпредприятиях ничто не могло остановить. По следам преступников днем и ночью шли оперативники ОБХСС, а в особо важных случаях подключалась Лубянка!

В этой по сути документальной книге увлекательно рассказано о самых фантастических, уникальных экономических преступлениях времен СССР. О тех, кто в условиях социалистической экономики заставлял работать на свой карман рестораны и целые заводы.

УДК 346(091)(47+57)
ББК 67.408

ISBN 978-5-00269-005-3

© Алдонин С.В., 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДО И ПОСЛЕ УГАРА	8
КОНКУРЕНТЫ ГОЗНАКА	51
СТЕКОЛЬНЫЙ БОЙ	57
ДЕЛО ВИНОДЕЛОВ	63
МИЛЛИОН ЗА «ПЯТЬ МИНУТ»	69
ЗАЙЦЕВ ПЛЮС	72
ЗАКОН С ОБРАТНОЙ СИЛОЙ	79
В КОЛБАСКУ ДОБАВКА — ЗАРПЛАТЕ ПРИБАВКА	107
КАК УКРАСТЬ КУСОЧЕК СОБСТВЕННОСТИ?	113
ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕПИТА	120
ТЕНЕВАЯ МАНУФАКТУРА	123
БУМАГА ВСЕ СТЕРПИТ	127
ПРОТИВ ЛОМА НЕТ ПРИЕМА?	132
БРАК ПО РАСЧЕТУ	137
ШИЗОФРЕНИКИ ВЯЖУТ ВЕНИКИ	143
ТРЮКАЧИ ИЗ ПАРКА ГОРЬКОГО	154
ОПЕРАТИВНИКИ МЕНЯЮТ ЗАКОНЫ	161

ОТКУДА ЧЕРВОНЦЫ?	
С УРАЛА, ВЕСТИМО	163
КУПЮРЫ В ПОКРЫШКАХ И ПРЕСС В ГАРАЖЕ	167
АЛХИМИЯ XX ВЕКА	172
ЗА ВИТРИНАМИ УНИВЕРМАГА	184
БОРЬКА-ЦЫГАН	194
БОГЕМА УХОДИТ В ПОДПОЛЬЕ	198
ТЕЛО И ДЕЛО ГРАЖДАНКИ МОЙЗЕР	209
МОШЕНСТВА 1980-Х	211
«УЗБЕКСКОЕ ДЕЛО»	228
ЛЕГЕНДАРНЫЕ МОСКОВСКИЕ СЫЩИКИ	258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — очерки истории экономической преступности в СССР. Наша советская держава была благородной попыткой построить социалистическое государство, в котором каждый не только «за себя», но и «за всех», в котором деньги — не главное, а человек человеку — брат. Эта попытка необходима исторически. Когда-нибудь мы еще отнесемся к советскому наследию более внимательно, чем сегодня. И получим пользу. Но это не означает, что в СССР не существовало изворотливой, опасной преступности. Она существовала и развивалась. Многие из тех, кто в социалистической системе считались преступниками, в другой реальности считались бы блестящими предпринимателями. Но они мешали социалистическому строительству. И государство боролось с ними всеми силами. Это было справедливо.

Существовала в СССР и коррупция. Её не сравнить с нынешней повальной. Но и с ней необходимо было бороться. О том, как боролись с коррупцией в Стране Советов, и повествует наш «краткий курс».

Особая страница нашей истории — кризис советского общества. Последние громкие дела... От них тянутся нити и в наше время.

ДО И ПОСЛЕ УГАРА

Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий советской власти... Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни... Со спекуляцией должно быть покончено.

В. И. Ленин

Борьба с экономическими преступлениями началась не вчера и даже не позавчера. У каждой истории есть предыстория. Есть предыстория и у истории советской экономической преступности. Государство во все времена пыталось защитить интересы казны от посягательства мошенников и воров, а также от чиновничьих злоупотреблений. Пыталось защитить свою валютную политику, свои монополии... Без элементарной экономической безопасности невозможно ни функционирование государства, ни развитие общества. Но специальной службы, которая бы концентрировала свое внимание на экономических преступлениях, в стародавние времена не было. Монархи поручали расследование самых щекотливых дел доверенным

лицам, тем вельможам, которых считали образцами честности. Известно, как боролся с тогдашними проявлениями коррупции первый министр юстиции Российской империи Гаврила Романович Державин. В своём ведомстве министр не допускал корыстных побуждений, строго контролировал работу подчинённых ревизиями, вникал в тонкости бесчисленных документов... Один из первых докладов министра юстиции Державина был посвящён сокращению канцелярского делопроизводства. Чиновных взяточников в те времена называли мздоимцами. История сохранила до нашего времени это меткое русское слово. Во времена императора Николая I, в 1826 году, императорским указом было создано Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Возглавил эту могущественную спецслужбу генерал Александр Бенкендорф — еще один теоретик и практик борьбы с коррупцией. Ведь Третье отделение занималось отнюдь не только борьбой с инакомыслящими и поиском шпионов. Сотрудники Бенкендорфа должны были бороться с фальшивомонетчиками и мошенниками, следить за растратчиками и взяточниками. Эти задачи не потеряли актуальности и после революционного 1917-го. Отношение к правосудию, к законности менялось, но к деловой чистоплотности большевики относились еще придирчивее, чем их предшественники. Так было. Выучки им не хватало, но интересы пролетарского государства лучшие из них соблюдали неуколепно. А опыт государственной службы им заменил опыт нелегальной работы — тоже, между прочим, бесценный.

Первый чекист Феликс Дзержинский говаривал, что если советская власть не справится с взяткой, то взят-

Феликс Дзержинский

ничество доконает советскую власть. Мысль вполне резонная. По настоянию председателя Совнаркома Ленина в первый советский Уголовный кодекс (его приняли в 1922 году) была введена в качестве наказания за получение и дачу взятки аж смертная казнь. Со времен царя Петра Великого таких строгостей на Руси не было! Правда, это мера продержалась только пять лет и к блистательным результатам не привела. В годы «нэпманского угара», когда балом правили мелкие частники, подрядчики и поставщики строили свои взаимоотношения с многочисленными чиновниками во многом — именно на денежных подношениях, а проще говоря — на взятках. И разоблачить их,

как правило, не удавалось. И казенных взяточников насчитывалось не так много...

В 1980-е в ходу был слащавый миф о НЭПе как чуть ли не о золотом веке советской истории. Например, писатель Анатолий Рыбаков в свое время не принял гайдаровские реформы, но о новой экономической политике вспоминал неизменно идиллически: «За два года всё неузнаваемо изменилось. За два года! Отменили продуктовые карточки. На Арбате открылись частные магазины. Было всё!.. Страна, разрушенная за семь лет войны белыми, красными, зелёными — какими хочешь, — оправилась в считанные месяцы, восстанавливалась, поднималась». Таковы его детские воспоминания о тех временах.

Но почему же слова «нэпман» и «нэпач» быстро превратились в ругательные? Неужели пропаганда расстаралась? Думаем, одной пропагандой в таком деле не обошлось.

Самые объективные участники событий тех лет к НЭПу подчас относились как к необходимому злу, но никогда — как к благу. НЭП не давал ходу тем, кто верил в идеалы социализма, кто готовил себя к бескорыстному труду, к самосовершенствованию, к подвигу. То есть к самым честным рядовым солдатам революции. НЭП вызывал эмоции, которые легче всего выразились в известном риторическом вопросе: «За что боролись?» Когда Леонид Утёсов пел: «За что же мы боролись, за что же мы страдали?.. Они же там жируют, они же там гуляют...» — все понимали, что это про нэпманов.

НЭП действительно быстро преобразил послереволюционный быт, возрождая соблазны «красивой жизни». Бандит Ленька Пантелеев, герой одноименного рассказа Льва Шейнина 1924 года, действовавший

в Питере, ведет свою даму в знаменитый ресторан Донона — тот самый, «который вновь наконец открылся после нескольких лет революции и гражданской войны». А там всё почти как раньше, как в царские времена: «... из общего зала ресторана... донесся смешанный шум голосов, женского смеха, звуков настраиваемых инструментов. Мягко ударил в нос сложный, дразнящий запах дорогого ресторана: какая-то специфическая смесь духов, сигарного дыма, горячих блюд. Седовласый швейцар, похожий на библейского пророка, привычно распахнул матовую стеклянную дверь, за которой были несколько ступенек, ведущих в зал. ...Ресторан был уже полон. За столиками сидели удачливые дельцы, нарядные женщины, трестовские воротилы, какие-то молодые люди с чрезмерно черными бровями и совсем еще юные, но уже очень развязные пажоны». Шейнин точно описал то время! Суд над Пантелеевым привлек самую разношерстную публику: «нэпманских сынков», «жуирующих пажонов с Невского», «мануфактурных королей из Гостиного», «содержательниц тайных домов свиданий», «карманников с Сенного рынка»... Все они расплодилось почти мгновенно — после введения НЭПа.

При НЭПе в жизни страны ощущалась болезненная раздвоенность. В своё время жестокая реальность крепостного права дурно сочеталась с идеологией православного братства, и это привело к взрыву. Сталин допускал обман как средство борьбы, как средство пропаганды. Но он понимал, что большая ложь в политике недопустима, губительна. Вряд ли фронт и тыл сплочённо встретили бы врага в 1941-м, если бы страна кишмя кишела хозяйчиками со своими частными интересами. Вот и пришлось с ними бороться не на жизнь, а на смерть.

В годы расцвета и упразднения НЭПа советский порядок прошёл серьёзную проверку на прочность. Оказалось, что большевистский режим может быть гибким, что он способен на прихотливые танцевальные па: прыжки, повороты, компромиссы. Как и «похабный» Брестский мир, НЭП был нужен для передышки, для перегруппировки сил.

Вспоминая свою юность, советский руководитель, фронтовик К. Т. Мазуров вспоминал: «НЭП принёс процветание торговле и мелкому предпринимательству, получше стали жить крестьяне. А рабочим было по-прежнему очень тяжело. У них на столе часто не бывало хлеба. Росло их недовольство... Рабочие считали: пускай прижмут тех, кто прячет хлеб, и он у нас появится».

Противоречия обострились. И снова предоставим слово писателю и следователю Льву Шейнину: «Удивительное это было время, и удивительной была та Москва... В комсомольских клубах пели “Мы молодая гвардия рабочих и крестьян”, изучали эсперанто на предмет максимального ускорения мировой революции путём создания единого языка для пролетариев всех стран, упорно грызли науки и люто ненавидели нэпманов, которых временно пришлось допустить... А в городе невесть откуда и чёрт его знает зачем повылезала изо всех щелей всяческая нечисть — профессиональные шулеры и надменные кокотки, спекулянты, бандиты и просто жулики всех оттенков, масштабов и разновидностей... Господа концессионеры, всевозможные Гаммеры, Петерсоны и Ван Берги обосновывались в Москве прочно, обзаводились молоденькими содержанками, тайно скупали меха и валюту, рублёвские иконы и вологодские кружева, драго-

ценные картины и хрусталь и потихоньку сплавляли это за границу».

Организованная преступность приняла угрожающие масштабы. Как говорили в те дни, «заедает элемент». Один пример разгула банд привёл Вячеслав Молотов в своей речи на XV съезде партии, рассказав о событиях в Борецкой волости Ряжского уезда Рязанской губернии, где «в течение пяти лет хозяйничала, как дома, шайка бандитов, разбойников и грабителей... Это хулиганье запугивало, застращивало, грабило и поджигало местных крестьян». Обращения местного населения к властям о защите ни к чему не приводили. «И теперь бандитизм ещё не вывелся в Борецкой волости... Про эту волость так и говорят до сих пор: «Борец — всем вора́м отец», — в рифму сказал Молотов.

Неэффективность борьбы с бандитами в значительной степени объяснялась их связями с представителями властей. Молотов признавал, что у преступников «обнаружились связи не только в укоме и уисполкоме, но через каких-то людей они сумели влиять на отдельных членов губкома, губ. КК и губсуда... Преступные элементы из Борецкой волости сумели найти слабые места даже среди отдельных работников губернского партийно-советского аппарата, где обнаружились у них некоторые ниточки связей...» Это и есть атмосфера НЭПа. Коррупционная.

Государство не могло бросить все силы на борьбу с преступностью. Сил не хватало. В своём выступлении от 13 апреля 1926 года Иосиф Виссарионович Сталин с иронией (он любил шутку!) отмечал: «Есть воровство стыдливое, скрытое, и есть воровство смелое, “весёлое”, как говорят об этом в печати. Недавно я читал в “Комсомольской правде” заметку о “весёлом” воровстве.

Был, оказывается, такой фертик, молодой человек с усиками, который весело воровал в одном из наших учреждений, воровал он систематически, не покладая рук, и воровал всегда удачно. Заслуживает тут внимания не столько сам вор, сколько тот факт, что окружающая публика, зная о воре, не только не боролась с ним, а, напротив, не прочь была хлопать его по плечу и хвалить его за ловкость, ввиду чего вор стал в глазах публики своего рода героем... Когда ловят шпиона или изменника, негодование публики не знает границ, она требует расстрела. А когда вор орудует на глазах у всех, расхищая государственное добро, окружающая публика ограничивается смешками и похлопыванием по плечу. Между тем ясно, что вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже... Таких воров у нас сотни и тысячи. Всех не изведёшь с помощью ГПУ».

Сталин возмущался расточительством при расходовании государственных средств: «У нас царит теперь разгул, вакханалия всякого рода празднеств, торжественных собраний, юбилеев, открытий памятников и т.д. Десятки и сотни тысяч рублей ухлопываются на эти «дела».

При этом он замечал: «Знаменательнее всего то, что у беспартийных замечается иногда более бережное отношение к средствам нашего государства, чем у партийных. Коммунист действует в таких случаях смелее и решительнее... Объясняется это, пожалуй, тем, что коммунист иногда считает законы, государство и т.п. вещи делом семейным. Именно поэтому иному коммунисту не стоит большого труда перешагнуть, наподобие свиньи (извиняюсь, товарищи, за выражение),

в огород государства и хапнуть там или показать свою щедрость за счёт государства». Сталин призывал «вести систематическую борьбу с так называемым “весёлым” воровством в органах нашего государства, в кооперации, в профсоюзах».

Но приходилось маневрировать. Окажись большевики непробиваемыми догматиками — и «первое в мире государство рабочих и крестьян» в мирное время не просуществовало бы и нескольких месяцев. Поэтому и экономическая, и карательная политика государства была переменчивой.

Советские червонцы

В конце сентября 1923 года председатель ОГПУ обратился в Политбюро с предложением выслать из Москвы злостных спекулянтов, особенно валютчиков, связанных с «черной биржей», которые, по его мнению, были виновны в росте цен. В ноябре Политбюро приняло это предложение. С конца ноября началась операция по административной высылке из Москвы, а потом и из других городов спекулянтов, контрабандистов и других социально опасных элементов. Операцию провели в три этапа, на каждом из которых затрагивались определенные категории людей. На последнем этапе, начавшемся в середине декабря, репрессии обрушились на валютчиков и лиц, связанных с валютной биржей.

В период проведения операции в Ленинграде были арестованы все состоявшие на учете валютчики. В Ростове-на-Дону биржа была разогнана с кровавыми перестрелками. В Москве арестовали более 100 торговцев золотом. В некоторых городах преследование

распространилось даже на агентов особой части Наркомфина, которые были направлены в провинцию для интервенции золотой монеты. 29 декабря 1923 года Дзержинский в своей записке в ЦК ВКП(б) просил для срочного сужения и урегулирования «черной биржи» в Москве назначить комиссию в составе Туманова (председателя), Дзержинского (с правом замены Кацнельсоном) и соответственно председателя Моссовета. В этот же день Политбюро утвердило эту просьбу.

В результате этих операций на «черной бирже» в январе 1924 года было продано золотых монет в два с половиной раза меньше, чем в ноябре 1923 года. Репрессии против валютчиков загоняли спрос на валютные ценности в подполье и затрудняли проведение денежной реформы. В начале марта 1924 года Политбюро по предложению Сокольниково дал указание ОГПУ прекратить репрессии против биржевиков в связи с тем, что они препятствовали проведению Наркомфином валютных операций на рынке. Продолжавшийся в связи с товарным голодом провоз контрабанды в СССР и нелегальный вывоз из СССР валютных ценностей, широкое развитие контрабанды, прикрытой легальными формами в виде посылок не для личного потребления, а для продажи, покупки и продажи автомашин, ввезенных без права продажи, вновь поставили перед органами ОГПУ задачу по усилению борьбы с контрабандой.

Постановление ЦИК СССР от 12 сентября 1924 года и изданная в его развитие инструкция говорят о нормах и порядке вывоза и перевода валютных ценностей за границу. Пункт 6-й гласил, что «вывоз за границу валютных ценностей с нарушением правил настоящего постановления карается в уголовном порядке. Не-

законно провозимые валютные ценности конфискуются таможенными органами, как контрабанда».

18 января 1926 года Сталин на заседании комиссии Политбюро высказал мысль о необходимости лишить спекулянтов возможности использовать денежную интервенцию в ущерб государству. Через пять дней после этого заседания 23 января начальник экономического управления ОГПУ Благодрахов представил Дзержинскому докладную записку о валютной интервенции, в которой вновь предлагалось арестовать валютчиков, действующих как посредники на валютном рынке. Мотивировалось это предложение тем, что через «чернобиржевиков» государственные хозорганы приобретали валюту без разрешения особого валютного совещания Наркомфина, как того требовало законодательство. Конечный вывод записки состоял в том, что ликвидация деятельности валютных спекулянтов позволит сократить расходы на интервенцию и облегчит Наркомфину и Госбанку стабилизацию червонца. Была проведена первая операция в Москве на «Американке» (черная биржа на Ильинке, неподалеку от Кремля). В результате было арестовано 56 человек.

26 марта была проведена операция на Трубном рынке. За этими операциями последовало еще несколько операций. Всего в Москве было арестовано 186 человек.

В результате резко сократился спрос на валютные ценности. В Москве, например, 5 февраля было продано золотых монет Госбанком на 100 тысяч рублей, 6 февраля на 70 тысяч рублей, 8 февраля — на 51,5 тысячи рублей. В результате по стране было арестовано 1374 валютчика. Отобрано ценностей на 249 731 руб. 50 коп. Наибольшее количество аре-

стованных было в ПП ОГПУ Западного края — 306, ПП ОГПУ ЛВО — 215, ГПУ УССР — 201. По сводке от 10 апреля 1926 года, по СССР было арестовано 1824 человека, изъято ценностей на 543 975 рублей. 1 марта 1926 года Председателем ОГПУ был подписан приказ № 39, который предписывал принять решительные меры к прекращению контрабандного ввоза и вывоза товаров, привлекая к уголовной ответственности как «поносителей и продавцов, так и пособников, укрывателей и покупателей контрабанды». При этом необходимо было обратить особое внимание на беспощадную борьбу со скупкой в целях вывоза нелегальным путем и валютных ценностей. О принятых мерах железный Феликс настроено предписывал докладывать каждое 1-е и 15-е число.

И дело пошло. Через несколько дней после арестов биржевиков был повязан и управляющий особой части валютного управления Наркомфина Чепелевский, а 1 марта — и руководитель особой части Волин. Арестовывали и чиновников более мелкого калибра. 29 апреля дело Волина рассматривалось на заседании Политбюро, где было заслушано заявление заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Коллегия ОГПУ вынесла приговор по делу Волина. В соответствии с которым он сам, Чепелевский и Рабинович были приговорены к расстрелу. Извещение ОГПУ обвиняло расстрелянных сотрудников Наркомфина в том, что они, «войдя в связь с отдельными частниками-биржевиками, использовали свое служебное положение для дезорганизации валютно-фондового рынка в целях личной наживы и обогащения связанных с ними биржевиков, чем нанесли Советскому государству материальный ущерб».

Пресса гудела: «Московские события произвели на рынок потрясающее впечатление». В момент проведения репрессивной кампании золотой рынок в Ленинграде перестал существовать. Валютный рынок был настолько дезорганизован, что достаточно было маленького усилия, чтобы ввести цены в паритетные условия котировок валют на бирже. На июльском 1926 года Пленуме ЦК глава правительства Алексей Рыков, говоря о прекращении валютной интервенции, говорил: «Черная биржа является детищем Сокольникова, он ее родил, он ее питал, он ее растил и кормил все время. И вот это детище Сокольникова — как я докладывал об этом Политбюро, мы уничтожили. И денег на это больше не тратим». Разумеется, политический подтекст акций состоял в борьбе с такими «вождями», как Сокольников — финансовый гений раннего СССР.

Между тем мошенники искали новые пути для обогащения. В 1928 году Одесский окротдел ГПУ УССР выявил метод выкачки валюты из СССР посредством продажи турецкими купцами друг другу червонцев. Тот или иной купец, не располагая советской валютой, должен был платить пошлину финотделу за покупку червонцев, что ему было не выгодно. В связи с этим проделывалась следующая операция. Лицо, приехавшее в СССР, покупает ниже номинала червонцы у посредника, временно проживавшего в СССР, с оплатой их в Константинополе. Продающему это тоже было выгодно, ибо он червонцы на черной бирже обращает в доллары, которые покупал в то время по 4 руб. 50 коп., а в Константинополе продавал по 5 руб. Рубли затем нелегально возвращал в СССР, и круг повторялся. Чем больше денег задействовано в этой операции и чем быстрее их оборот, тем больше прибыли. С целью пе-

редачи писем и денег использовались капитаны и члены экипажей судов, курсирующих между Одессой и Константинополем. В Одессу прибыли опытные чекисты из Москвы. И в результате многолюдной операции около сотни ловкачей оказались под следствием...

Вот она, коррупция!

Исследователь С. В. Богданов отмечает: «Взяточничество среди государственных служащих периода НЭПа являлось специфической формой приспособления к кардинально изменившимся социально-экономическим реалиям общества. Зарплата советских служащих, не входивших в номенклатурные списки, была весьма низкой, да и, с точки зрения социальной защищенности, их положение было незавидным. Событий же поправить свое материальное положение за счет полулегальных сделок с нэпманами было очень много. К данному факту необходимо добавить многочисленные реорганизации аппарата государственного управления, которые перманентно шли на протяжении всего периода существования НЭПа и, безусловно, не только вносили неразбериху, но и порождали стремление отдельных чиновников обезопасить себя на случай внезапного увольнения». С этим трудно спорить.

Первым и самым простым методом нелегальной деятельности по созданию частного капитала было участие его соучастников и агентов в работе государственного аппарата. В составе государственных чиновников был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек, круг лиц, которые исполь-

зовали начало нэпа в этом смысле. Сами служа в хозорганах, они в то же время организовывали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на своё собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно увольнялись и «становились на собственные ноги». Так, что «концы в воду». Это явление было распространено чрезвычайно широко.

Но не менее распространенными в годы НЭПа были и самые примитивные способы обмана трудящихся. Элементарное уличное мошенничество в стиле «ищи дурака». Жертве, с которой подвыпивший мошенник заводил дружескую беседу, предлагалось сыграть во что-нибудь простенькое. Например, угадать, сколько бревен на барже, а когда жертва крутила у виска, мол, как же их сосчитаешь, тогда подзывался мальчик, продающий спички, совершенно «случайно» проходящий мимо с кучей коробков в коробе... и предлагалось угадать четное число спичек в коробке или нет.

— Не бойсь, лапотник, всё без обмана. Сам выберешь коробок из лотка, сам же со своими друзьями и пересчитаешь спички в коробке, — уверял крестьянина мошенник.

Крестьянин в надежде на удачу и выигрыш доставал завернутые в тряпицу деньги. А дальше механизм облапошивания срабатывал как дважды два четыре.

Если простодушный говорил «чет», мошенник извлекал из коробка две спички и клал их на стол.

— Вот, — говорил жулик, — чтобы потом сомнений не было, что ты сказал «ЧЕТ».